

ИЗЪ ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ.

О духовныхъ семинаріяхъ.

Въ настоящее время забастовки и волненія до такой степени часты и обычны, что въ общей ихъ массѣ какъ то теряются безпорядки мѣстные, происходящіе въ томъ или другомъ учрежденіи. Не таковы однако волненія, охватившія наши духовныя семинаріи. Ихъ нельзя сливать съ общей массой новаго общественно-политическаго движенія. Они имѣютъ въ значительной степени самостоятельное происхождение и свой собственный смыслъ. Это явствуетъ уже изъ того, что семинарскія волненія широкой волной разлились по Россіи еще тогда, когда общество жило спокойно, когда „на всѣхъ языкахъ все молчало“. Семинаристы заговорили первые, не съ 15 іюня 1904 года, но года три—четыре тому назадъ. Заговорили притомъ дружно и громко. По счету „Тавричанина“ въ *Сынъ Отечества* (6 мая), три года назадъ до Рождества было закрыто болѣе 23 семинарій! Самыя волненія происходили не такъ, какъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, и весьма часто принимали бурный характеръ. Воспитанники семинарій не ограничивались простой забастовкой и словесными протестами, но прибѣгали ко всевозможнымъ террористическимъ средствамъ: били стекла, лампы, производили разгромъ казеннаго имущества, бросали камни въ квартиры своихъ начальниковъ, поджигали, стрѣляли, производили взрывы. Вотъ какъ происходили волненія въ одной изъ семинарій по описанію *Недѣли* (Слово 24 февр.). „Однажды, послѣ вечернихъ богослуженій, семинаристы, по обычаю, отправились въ гардеробныя комнаты, чтобы пере-

одѣться и погулять съ полчаса, а нѣкоторые, чтобы выдать и получить изъ стирки бѣлье. Двери оказались запертыми, и завѣдующій гардеробомъ объяснилъ, что заперъ ихъ по приказанію инспектора, а ключъ отдалъ послѣднему. Возмущенные такимъ отношеніемъ къ себѣ со стороны „заботливаго“ начальства, семинаристы разбили всѣ лампы, освѣщавшія нижній корридоръ, столы, окна, двери, ведущія изъ корридора въ гардеробныя комнаты. Затѣмъ всѣ семинаристы, въ числѣ 400 человекъ отправились въ квартиру инспектора, но послѣдній, чуя бѣду, спустился съ 3-го этажа по веревочной лѣстницѣ и уѣхалъ въ монастырь. Когда узнали, что инспектора нѣтъ въ квартирѣ, то весь этотъ своеобразный кортежъ направился къ ректору (въ томъ же зданіи). Видя это шествіе, вся семинарская инспекція уѣхала въ городъ. Семинаристы переночевали одни, утромъ въ 9 часовъ отправились къ обѣднѣ, а по окончаніи ея собрались въ актовъ залъ, составили петицію, пригласили ректора, въ присутствіи котораго и прочли ее“.

На какой же почвѣ создались всѣ эти волненія въ духовныхъ семинаріяхъ, и благодаря чему они получили такую необычайную распространенность и интенсивность? Какія причины всколыхнули это море юныхъ головъ? Что довело ихъ до такихъ страстныхъ протестовъ? Ради чего они цѣлыми сотнями предпочитаютъ лучше быть выброшенными за жизненный бортъ, рискуя попасть въ отбросы общества, чѣмъ плыть къ тихой пристани на семинарскихъ ладьяхъ? Виновата ли здѣсь пресловутая семинарская грубость и неблагоприятность или нѣчто другое?

Послушаемъ сначала, что скажутъ сами обвиняемые. Они не скрываютъ своихъ желаній. Напротивъ они страстно желаютъ, чтобы ихъ выслушало общество, желаютъ въ надеждѣ, что, если ни кто другой, то оно поможетъ имъ. Вотъ что пишетъ въ *Разсвѣтъ* (10 апр.) пострадавшій за безпорядки воспитанникъ 4 класса саратовской семинаріи. „Теперь приходится обращаться къ защитѣ печати, которая одна только и можетъ пособить горю. Можетъ быть, высшая власть услышитъ голосъ печати и поможетъ намъ, минуя суды и мнѣнія семинарскаго правленія. Семинаристы вовсе не желаютъ суда при закрытыхъ дверяхъ семинарскаго правленія. Имъ дорого не пристрастное мнѣніе семинарскихъ

педагоговъ во главѣ съ инспекторомъ, направляющимъ дѣло, какъ ему хочется,—имъ дорого общественное мнѣніе! Мы желаемъ суда открытаго: пусть насъ обвиняетъ и судитъ общество и печать. Ихъ судъ будетъ справедливѣе и дороже для насъ! Въ самомъ дѣлѣ, неужели уже мы такіе разбойники и негодяи, что не заслуживаемъ пощады за одно то, что рѣшились попросить только гуманныхъ для себя реформъ?? Вѣдь положеніе всѣхъ семинаристовъ гораздо хуже положенія другихъ учащихся! Заступиться за насъ совершенно некому! Наши отцы слишкомъ запуганы и беззащитны, чтобы вступаться за своихъ дѣтей. Въ различныхъ газетахъ стали появляться теперь замѣтки и статьи о возмущеніяхъ въ различныхъ семинаріяхъ. Читая эти замѣтки, содрогаешься—до чего довели семинаристовъ: стало быть уже нужда пришла! Въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ бастуютъ и имъ за это не дѣлаютъ никакихъ наказаній, а насъ наказываютъ, да какъ жестоко! Лишаютъ всего! Гуманно-ли это? Не видя и не встрѣчая въ своей средѣ защиты и помощи, а вмѣсто того слыша отъ нея одни только упреки, семинаристы вынуждены прибѣгать къ защитѣ печати и чрезъ нея требовать отъ высшей власти немедленныхъ реформъ. Для насъ желательны слѣдующія реформы: право поступленія семинаристовъ, кончившихъ курсъ 4-хъ классовъ семинаріи въ высшія учебныя заведенія, во всѣ, безъ ограниченія разрядами; отмена вступительныхъ экзаменовъ въ семинарію изъ духовныхъ училищъ, равнымъ образомъ отмена переходныхъ экзаменовъ изъ класса въ классъ въ самой семинаріи; расширеніе программы преподаванія свѣтскихъ наукъ, какъ-то математики, новыхъ языковъ, философіи, психологіи и т. п.; разрѣшеніе чтенія всѣхъ книгъ, дозволенныхъ россійскою цензурой. Вотъ всѣ наши требованія. Эти реформы—завѣтная мечта всѣхъ русскихъ семинаристовъ, воспитанниковъ 55-ти семинарій! Въ № 29 газеты „Сынъ Отечества“ помѣщено письмо ярославскихъ семинаристовъ, которые уже и провели всѣ эти требованія. Теперь мы, саратовскіе семинаристы, присоединяемся къ голосу нашихъ ярославскихъ товарищей и выражаемъ имъ свою благодарность за добрый починъ. Если намъ удовлетворятъ вышеупомянутыя требованія, то между семинаристами и ихъ начальствомъ не будетъ никакихъ поводовъ къ недоразумѣ-

ніямъ и несогласіямъ, а если семинаристовъ и впредь обойдутъ, не удовлетворивши ихъ законныхъ требованій, то всегда будутъ происходить безпорядки, и напрасно высшая власть и семинарскія правленія прибѣгаютъ и будутъ прибѣгать къ репрессіямъ. Онѣ никогда не помогутъ, только озлобляютъ и будутъ озлоблять несчастныхъ семинаристовъ. Репрессіи только губятъ людей, а не исправляютъ—примѣненіе ихъ величайшая ошибка со стороны особенно духовной власти, которая должна дѣйствовать въ духѣ евангельскихъ мира и любви!.. P. S. Не откажите помѣстить, за помѣщеніе этой статьи вамъ будутъ очень и очень благодарны. У насъ — семинаристовъ только и надежды, что на печать: больше помощи ждать не откуда! Въ моемъ письмѣ каждая строка выжата слезами и горемъ отчаянія ни за что пропадающаго человѣка! Войдите въ положеніе мое и моихъ напрасно погибающихъ товарищей!“

Въ приведенномъ письмѣ, какъ и въ другихъ письмахъ и петиціяхъ семинаристовъ (въ нихъ они просятъ кромѣ того болѣе гуманнаго и деликатнаго къ себѣ отношенія со стороны начальства, разрѣшенія на посѣщеніе театра, устройства литературныхъ вечеровъ и т. д.) слышится совершенно сознательное отношеніе къ дѣлу, полное убѣжденіе въ правотѣ своей, въ законности своихъ желаній и необходимости просимыхъ реформъ. И при всемъ нашемъ желаніи явиться въ роли судьи, а не адвоката, мы должны признать, что недовольство семинаристовъ имѣетъ свои основательныя причины, и главнѣйшія ихъ желанія вполне законны и рациональны.

Вообще всякое волненіе въ обществѣ является выраженіемъ несоотвѣтствія существующихъ порядковъ съ духомъ и нуждами времени, но, кажется, нигдѣ это несоотвѣтствіе не оказывается столь глубокимъ и вопіющимъ, какъ въ нашихъ семинаріяхъ. Всмотриваясь ближе во внутренній и внѣшній строй ихъ, приходишь къ заключенію, что своей постановкой воспитательнаго и образовательнаго дѣла онѣ во многихъ отношеніяхъ представляютъ собою очевидный анахронизмъ. Въ нихъ совершенно игнорируются идеи и задачи настоящаго времени. Почти ничего не измѣняя въ ихъ строѣ, со всѣмъ ихъ образовательнымъ багажомъ и воспитательными приемами цѣлкомъ можно было помѣстить

ихъ въ первую половину 19 столѣтія, если только не ранѣе. Такова прежде всего семинарская педагогія.

Въ *Русской Старинѣ* (1904, октябрь) въ статьѣ „Изъ быта стараго духовенства“ А. Лотоцкій даетъ слѣдующую характеристику старымъ духовнымъ школамъ 18 вѣка. „Духовно-учебныя заведенія носили совершенно закрытый характеръ и задавались цѣлью оторвать воспитанниковъ отъ современнаго общества и воспитывать ихъ въ новомъ направленіи. Попавшій въ такое закрытое заведеніе, „аще,—какъ выражается тогдашняя педагогическая система „ионка іерополистика“,—и тигръ нравомъ будетъ, агнчую тамо восприметь кротость на ся“. Жизнь семинаристовъ въ особомъ „домѣ образомъ монастыря“ (по выраженію регламента) подчинена была самой строгой регламентаціи со стороны начальства, самой строгой дисциплинѣ. Самъ составитель регламента сознался, что „такое молодыхъ человѣкъ житіе“—кажется быти стужительное и заключенію плѣнническому подобное; но,—прибавляетъ онъ,—кто обыкнетъ тамъ жить, хотя чрезъ единъ годъ, тому весьма сладко будетъ“. Но насколько оправдались предположенія составителя регламента относительно сладости школьной жизни, краснорѣчиво показываютъ внушительныя цифры самовольно убѣжавшихъ изъ школъ учениковъ. Къ этому необходимо прибавить, что школьная педагогія въ XVIII вѣкѣ не возвышалась до широкаго понятія о воспитаніи, а ограничивалась одними служебно-профессіональными требованіями. Школьное образованіе сливалось со службою, и ученикъ трактовался, какъ полный гражданинъ, человѣкъ уже служащій и присяжный. Вслѣдствіе этого педагогическія начала въ школахъ естественно замѣнялись юридическими, а воспитаніе обращалось въ одну дисциплину, которая вмѣсто нравственнаго развитія имѣла своей задачей лишь водвореніе внѣшняго порядка, благопристойности и субординаціи. Всѣ педагогическія требованія отъ воспитанника сводились къ требованію отъ него аккуратнаго исполненія его служебныхъ официальныхъ обязанностей безъ какого либо намека на нравственное значеніе послѣднихъ. „Отношенія учителей къ ученикамъ и учениковъ между собою были чрезвычайно ложныя и странныя. Собственно нравственныхъ отношеній ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не было; самыя добрыя наклонности иного

начальника или наставника уступали неумѣстной и нелѣпой официальнойности. Учителя слишкомъ униженно держали себя передъ начальствомъ. Ученики смотрѣли на учителей не какъ на добрыхъ наставниковъ, но какъ на слишкомъ строгую полицейскую власть; они умѣли только бояться, а не любить и уважать“. И дѣйствительно вслѣдствіе преобладанія въ школьномъ воспитаніи юридическихъ началъ надъ нравственными, собственно педагогическія отношенія учителей и начальниковъ къ ученикамъ были крайне слабо развиты. Во всемъ строѣ тогдашней школьной корпораціи видимъ не дѣтей и отцовъ, а исключительно подчиненныхъ и начальниковъ, или, какъ ихъ тогда выразительно называли, командировъ“.

Въ этой картинѣ 18 вѣка не трудно узнать современныя намъ семинаріи. Семинарская педагогія, хотя и потеряла свою прежнюю колоритность, однако по существу остается тою же. И теперь семинарія не знаетъ воспитанія въ собственномъ смыслѣ, а признаетъ только дисциплину. Ея воспитательныя задачи направлены не столько на нравственное развитіе воспитанника, сколько на установленіе внѣшняго порядка и благопристойности. Человѣкъ съ прекрасными духовными задатками, но пылкій, несдержанный, не постигшій еще практической истины, что не всякую правду слѣдуетъ выражать вслухъ, такой человѣкъ часто считается у инспекціи на плохомъ счету; другой, въ душѣ не имѣющій ни одного свѣтлаго порыва, но ни на минуту не забывающій, что всякое нарушеніе не только правилъ, но и вкусовъ начальства, можетъ вредно отозваться на его судьбѣ, на качествѣ его будущаго хлѣба, значитъ примѣрнымъ ученикомъ. Имѣя дѣло съ поведеніемъ воспитанника и не зная того, что творится въ душѣ его, семинарская педагогія естественно вынуждена слѣдить за каждымъ его шагомъ. Она боится предоставить ученику хотя бы часъ свободы, такъ какъ, не зная души его, не увѣрена въ томъ, что онъ не употребитъ этого часа на что-либо дурное ¹⁾ Происходящая отсюда самая мелочная регламентація распорядка времени и ежеминутный контроль за поведеніемъ воспитанника вмѣ-

¹⁾ Однимъ изъ послѣднихъ циркуляровъ семинаристы лишены права на послѣобѣдную безконтрольную прогулку.

стѣ съ чисто внѣшними средствами, дѣйствующими на чувство страха, подавляетъ въ нихъ всякую индивидуальность, не даетъ обнаружиться и развиться личнымъ наклонностямъ и крайне вредно отражается на образованіи характера. Естественными послѣдствіями такого веденія на помочахъ является недостатокъ самостоятельности и инициативы, отсутствіе самоопредѣляющаго начала и собственныхъ „задерживающихъ центровъ“. Усилія мысли и воли ученика направляются не столько на выработку собственныхъ положительныхъ убѣжденій, собственной жизненной программы, сколько на воспитаніе въ себѣ способности приравниваться ко всякимъ условіямъ, угадывать желанія другихъ, идти по чужимъ слѣдамъ. Эти черты оказываются характерными для большинства прошедшихъ духовную школу и для большинства нашего духовенства. Много правды въ слѣдующихъ словахъ „Тавричанина“ (*Сынъ Отечества* 6 мая). „Нѣтъ ничего удивительнаго, что большинство питомцевъ нынѣшней духовной школы выходитъ въ жизнь запуганными, забытыми, неспособными стоять за „человѣческія права“, отстаивать „духовные“ интересы не только своихъ чадъ, но даже свои собственные. Гдѣ пишетъ наше духовенство во всей своей массѣ, гдѣ оно высказывается, гдѣ оно обсуждаетъ и свои духовные нужды и запросы своихъ прихожанъ? Помогло ли сколько нибудь духовенство изученію русской деревни, русскаго крестьянства, къ которому оно такъ близко стоитъ? Отстаивало ли оно, какъ сословіе, когда-либо энергично свои интересы и интересы народа? Подавало ли оно свой энергичный голосъ въ критическіе моменты русской жизни? Нѣтъ, оно ровно ничего не дѣлало, оно только молчало, дѣлало то, что ему прикажутъ, равнодушно относилось и относится ко всему окружающему. Примѣръ этого равнодушія—теперешнее отношеніе духовенства къ школьному вопросу. Сотни, тысячи дѣтей духовенства изгоняетъ духовная школа, коверкаетъ ихъ, а родители только проливаютъ бесполезныя слезы, заявить же сословный протестъ, потребовать преобразованія всего строя духовной школы не рѣшаются, ибо на это не было еще архипастырскаго благословенія. Школа, какъ гигантскій прессъ, выжала изъ нихъ всѣ соки, взяла все и оставила одну безформенную массу“. Едва ли мѣжетъ быть сомнѣніе въ томъ, что указанныя черты въ нашемъ

духовенствѣ явились не только слѣдствіемъ печальной исторической судьбы его, но и плодомъ семинарской педагогii, направленной не столько на образованіе характера и убѣжденій, сколько на подавленіе воли и личности.

При указанномъ характерѣ семинарской педагогii конечно не можетъ быть нравственной связи между воспитателями и воспитанниками. Отношенія ихъ сухи и официальны. Пойти къ начальнику и открыть ему то, что смущаетъ въ данную минуту душу, это нѣчто невѣроятное, немислимое. Еслибы это случилось съ кѣмъ-либо, то всѣ товарищи сочли бы такого воспитанника чуть не за юродиваго и ненормальнаго. Они привыкли создавать свой внутренній міръ, переживать тревоги и сомнѣнія, сами съ собой, помимо воспитателей. Какіе то неуловимые факторы направляютъ ихъ то въ одну, то въ другую сторону. На нашихъ глазахъ въ наиболѣе даровитыхъ и горячихъ, но честныхъ, головахъ мысли получали крайне опасное направленіе только потому, что не было около насъ человѣка, который заинтересовался бы нашимъ внутреннимъ міромъ и сказалъ бы намъ убѣжденное слово. Какъ легко и безповоротно вліяетъ въ такихъ случаяхъ какая-нибудь въ сущности легкомысленная, но отвѣчающая настроенію переживаемаго періода книжка, даже мысль, фраза. По выходѣ изъ семинарии воспитанники къ удивленію своему часто убѣждаются, что ихъ бывшіе начальники въ сущности хорошіе, иногда очень сердечные люди. Очевидно дѣло тутъ не столько въ личномъ характерѣ воспитателей, сколько въ общей системѣ воспитанія. Начальники прошли ту же школу, ихъ педагогическая опытность создалась на подобныхъ же имъ образцахъ. Еслибы даже и заговорило въ нихъ доброе естественное чувство, то уставъ, отвѣтственность передъ высшимъ начальствомъ, страхъ передъ ревизіей, невозможность слѣдить за настроеніемъ нѣсколькихъ сотъ воспитанниковъ заставляетъ ихъ идти тѣмъ же старымъ путемъ, воскрешая въ себѣ древнихъ „командировъ“.

Игнорированіе нравственной личности воспитанника, его внутренняго міра и духовныхъ запросовъ, лишеніе его примитивной свободы и самостоятельности должно тяжело отзываться на семинаристахъ, порождая въ нихъ чувство подавленности и вызывая хроническое, хотя и не всегда со-

знательное, недовольство. Но съ чѣмъ мирилось сознание воспитанниковъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, то стало уже не по силамъ современному ученику. Какъ бы старательно ни удаляли ученика отъ общества въ „домахъ образомъ монастыря“, несомнѣнно, духъ времени, характеризуемый необыкновеннымъ ростомъ самосознанія въ обществѣ, долженъ былъ отразиться и на семинаристахъ. Онъ незамѣтно проникаетъ во всѣ классы общества, не исключая самыхъ невѣжественныхъ. Если прежде нашъ крестьянинъ безропотно сносилъ всевозможные побои отъ рукъ всякаго, кто казался ему „начальствомъ“, то теперь грубое слово, сказанное ему дѣйствительнымъ начальникомъ, часто вызываетъ совершенно сознательный протестъ. Вполнѣ естественно, что повышенное самосознаніе, жажда известной доли свободы, сознание права на деликатное отношеніе къ личности и ея внутреннему міру коснулись и воспитанниковъ семинарій. Благодаря развитію сознанія и чувства человѣческаго достоинства каждый отгѣнокъ грубости, каждый фактъ третированія личности, въ прежнее время почти безобидные, теперь вызываютъ озлобленіе и протестъ. Семинаристы становятся болѣзненно чутки по всему, что имѣетъ видъ посягательства на ихъ личность. Ихъ начинаетъ оскорблять даже добродушная рѣчь начальника, сказанная въ грубой формѣ. Понятно, какъ должна отзываться на настроеніи воспитанниковъ оставшаяся въ наслѣдіе отъ 18-го столѣтія семинарская система воспитанія, регламентирующая каждый шагъ, подавляющая всякое самостоятельное проявленіе личности, игнорирующая личныя склонности и запросы. Она держитъ ихъ въ состояніи постояннаго напряженія, готоваго разрешиться въ самыхъ грубыхъ формахъ при незначительныхъ поводахъ.

Но это далеко не все, а можетъ быть и не самое главное. Среди всевозможныхъ стѣсненій, которымъ подвергается личность воспитанника въ стѣнахъ семинаріи, есть одно въ особенности архаическое и потому слишкомъ тяжелое. Оно заключается въ томъ, что будущая судьба, цѣль жизни, призваніе и вся будущая дѣятельность воспитанника заранее опредѣляется совнѣ, и самъ онъ въ избраніи своего жизненнаго пути почти не участвуетъ. Въ десятилѣтнемъ возрастѣ своимъ поступленіемъ въ духовную школу, которое

зависитъ обыкновенно не отъ него, а отъ его родителей, онъ, самъ того не сознавая, отказался отъ права свободно избирать для себя цѣль въ жизни. Какъ только въ немъ начинается появляться сознательное отношеніе къ жизни, онъ чувствуетъ, что онъ связанъ, что задача его жизни рѣшена безъ него. Принаровленный къ будущему его призванію церковный режимъ и церковный характеръ самаго образованія, вполнѣ естественный, если бы это призваніе было дѣломъ свободного и сознательнаго выбора, теперь кажется насиліемъ надъ его волей, не оправдываемымъ ни съ рациональной, ни съ религіозной точки зрѣнія, и вызываетъ глухое раздраженіе противъ церковности. „На свое положеніе, пишетъ одинъ ректоръ духовной семинаріи, такіе школьники смотрять исключительно какъ на подневольное, и потому всѣми мѣрами желаютъ сбросить съ себя неправильно несомое бремя, почти съ отвращеніемъ относясь къ нему, какъ ко всему подневольному и мало сознанному. При такихъ условіяхъ и попробуйте воспитывать, какъ подобало бы для духовной школы! Да тутъ лишняя четверть часа въ богослуженіи, прибавка одной стихирѣ и т. п. вызываетъ затаенную злобу у школьниковъ, совершенно не понимающихъ, къ чему это имъ нужно, вѣдь они не хотятъ быть духовными“ (*Пет. Вѣд.* 14 марта). Но начальство семинарское обыкновенно не останавливается предъ этимъ и, не видя другого выхода, вынуждено употреблять свои обычные средства, всевозможные штрафы и наказанія, и въ этой области. „Подобные педагогическіе приемы, пишетъ одинъ священникъ въ открытомъ письмѣ къ ректору семинаріи (*Омск. Еп. Вѣд.* 1904 г. № 22) страшно деморализуютъ религіозность. Посмотрите на студентовъ университетовъ! Самые антирелигіозно настроенные студенты обязательно бывшіе семинаристы. Личность семинариста Ракитина въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“, вовсе не утрированная, наглядно показываетъ, насколько антирелигіозно и антиморально дѣйствуетъ quasi—духовное воспитаніе, которое даютъ наши духовныя семинаріи съ настоящей постановкой дѣла. Каждый изъ насъ хорошо помнить, а Вамъ, о. Ректоръ, въ практикѣ, вѣроятно, встрѣчались такіе факты, что семинаристъ битыхъ два часа высиживаетъ въ пыльномъ и душномъ шкафу, или даже въ отхожемъ мѣстѣ, лишь бы изба-

виться отъ обязанности идти ко всеобщей. Вотъ какъ дѣйствуетъ религіозность вбиваемая палкой, а не прививаемая свободнымъ развитіемъ духа“!

Присущее такъ сказать самой природѣ нашихъ семинарій зло въ настоящее время усиливается еще отъ случайныхъ (а можетъ быть и неслучайныхъ) обстоятельствъ. Во главѣ семинарій теперь большею частью стоятъ монахи. Склонные смотрѣть не только на пастырскія, но и общехристіанскія обязанности сквозь призму аскетизма, они иногда слишкомъ усердствуютъ въ насажденіи церковности, не заботясь о томъ, есть ли для сего пригодная почва въ ихъ питомцахъ. Удлиняя службы, вводя „канонарханіе“, они вмѣстѣ съ тѣмъ запрещаютъ всякія невинныя развлеченія, литературные вечера, танцы, дневные прогулки, посѣщеніе театровъ и вообще всячески оберегаютъ воспитанниковъ отъ соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ. Всѣ эти строгости вызываютъ въ случайныхъ питомцахъ духовной школы совершенно понятный протестъ. Вотъ что пишетъ по этому поводу человекъ видимо близко стоящій къ семинарскому быту (*Слово* 24 янв.). „Монахъ является въ семинарію съ цѣлью дать болѣе благочестивый тонъ всему строю, устроить жизнь, по „монашескому чину“, какъ выражаются семинаристы; всѣ начиная отъ послѣдняго первокласника и кончая богословами послѣднихъ классовъ, понимаютъ это, и этого достаточно для того, чтобы имъ проникнуться убѣжденіемъ въ излишнемъ ригоризмѣ требованій начальства и въ законности всевозможныхъ увертокъ отъ ихъ исполненія. И, нужно сказать правду, монахи-педагоги подали слишкомъ много поводовъ къ этимъ взглядамъ на ихъ методъ воспитанія. Они почти всегда забываютъ, что имѣютъ дѣло не съ монахами или готовящимися къ этому сану, и даже не съ людьми уже установившимися, перегорѣвшими и перекипѣвшими, а съ тѣмъ опаснымъ горючимъ матеріаломъ, гдѣ достаточно одного неосторожнаго прикосновенія, чтобы произошелъ взрывъ. Безумная затѣя подавить жизнь въ пятнадцатилѣтнемъ юношѣ безъ всякаго протеста и бунта съ его стороны можетъ притти въ голову дѣйствительно только тѣмъ воспитателямъ, которые не имѣли своихъ дѣтей и потому не знаютъ ребенка въ близкой интимной жизни. Какой, на примѣръ, смыслъ всѣми мѣрами предупреждать знакомство и совмѣстное времяпровожденіе

воспитанниковъ старшиѣ классовъ съ дѣвушками своего круга, разъ семинаристу, по окончаніи курса, скажутъ: „вотъ тебѣ мѣсто, приищи себѣ въ теченіе мѣсяца невѣсту и женись“. Не значить ли это ставить ему препятствія къ тому, чтобы счастливо устроиться въ семейной жизни; подозрительность на худое, въ данномъ случаѣ, конечно, незаконная, не совсѣмъ хорошо характеризуетъ тѣхъ лицъ, которые ею страдаютъ. Идеальное настроеніе юноши, свѣжее отзывчивое чувство и ненадломленная воля безусловно представляютъ удобную почву для того, чтобы сѣять на ней добрыя сѣмена; но играть на этомъ инструментѣ нужно умѣючи. Длинныя, утомительныя службы, ежедневныя почти хожденія въ церковь, въ связи съ стѣсненіемъ всякихъ развлеченій, вмѣсто желаемого развитія любви ко храму, возбуждаютъ настроеніе совсѣмъ другого порядка; да, именно монашескій слишкомъ елеинный тонъ способенъ набить оскомину и заставить бѣжать отъ церковной службы. Здѣсь опять сказывается та же бьющая черезъ край жажда жизни и сознаніе ея законности“.

Естественнымъ слѣдствіемъ насильственнаго навязыванія пастырскаго призванія воспитанникамъ семинарій служитъ систематическое бѣгство семинаристовъ изъ духовнаго званія. Въ духовное званіе идутъ обыкновенно воспитанники, которымъ всѣ другіе пути закрыты, и идутъ главнымъ образомъ потому, что видятъ въ немъ средства къ существованію. О какихъ либо возвышенныхъ пастырскихъ идеалахъ здѣсь рѣже всего можетъ быть рѣчь. Громадное большинство кандидатовъ священства мечтаетъ о хорошемъ, т. е. доходномъ, приходѣ, большомъ приданомъ, да объ интересной матушкѣ. Болѣе или менѣе выдающіеся духовными дарованіями и энергіей воспитанники поступаютъ въ свѣтскія учебныя заведенія и на свѣтскую службу. Причиной этого бѣгства вовсе не служитъ матеріальная необезпеченность нашего духовенства. „Невѣрно, говорить одинъ „Поповичъ“ въ *Гражданинѣ*, безусловно невѣрно полагать, что молодые люди уходятъ изъ духовнаго званія якобы изъ за матеріальной необезпеченности нашего духовенства. Вѣрьте, что тѣ молодые люди, которые рѣшаются оставить духовное званіе, эту тихую пристань, и броситься въ неизвѣданныя, холодныя, бурныя и темныя волны моря житейскаго, менѣе всего

думаютъ объ обезпеченіи. Это столь же вѣрно, сколь вѣрно то, что человѣкъ переживающій ту или другую нравственную ломку, мало заботится о насыщеніи себя. Это первое и главное, а второе—обезпеченіе нашихъ сельскихъ батюшекъ намъ, воспитаннымъ на мѣдные гроши, никогда не казалось недостаточнымъ, а молодцамъ, ужъ очень изголодавшимся, такое обезпеченіе казалось столь хорошимъ, что лучшаго и не найдешь“. Стремленіе избѣжать принятія духовнаго сана объясняется конечно тѣмъ, что необходимое для этого призваніе, обусловленное природнымъ предрасположеніемъ и многими другими неуловимыми факторами, въ случайныхъ питомцахъ духовныхъ школъ только и можетъ быть случайнымъ. Повидимому идея общественнаго служенія, для которой дается широкій просторъ въ пастырской дѣятельности, должна была бы привлекать къ себѣ людей съ идеальными стремленіями, съ жаждой общественнаго подвига. Однако этого не бываетъ и быть едва ли можетъ, такъ какъ объ общественномъ служеніи пастырей семинаристъ знаетъ лишь изъ книжекъ, да и то въ сухихъ и мертвыхъ фразахъ; въ жизни же онъ его совсѣмъ не видитъ. Весь его опытъ, а онъ у него не малъ, говорить ему, что если наши пастыри и могутъ быть хорошими молитвенниками, то дѣятелями общественными и борцами за правду они никогда не бываютъ. Они проповѣдуютъ смѣло лишь тѣмъ, отъ которыхъ нельзя ждать вреда ихъ благополучію. Они боятся коснуться тѣхъ общественныхъ золъ, которыя происходятъ отъ ненормальностей общественнаго строя или отъ злоупотребленія силою и властью. Они ничего не сдѣлали для народа, чтобы вывести его изъ его безправія, униженія, бѣдности, и всегда оказывались на сторонѣ силы и власти. Зная все это, какъ долженъ былъ отнестись къ этому идеально настроенный юноша, измѣряющій нравственное достоинство людей и искренность ихъ убѣжденій готовностью жертвовать собою за правду? Очень просто. Онъ переставалъ уважать пастырей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самое пастырство. Прекрасную иллюстрацію такого отношенія лучшихъ дѣтей духовенства къ служенію ихъ отцовъ даетъ Гусевъ Оренбургскій въ своей повѣсти „Страна отцовъ“. Крестовскій священникъ, о. Матвѣй, считалъ себя преданнымъ церкви и отечеству. Съ его языка не сходили слова: еокра-

тія, православіе, самодержавіе и народность. Онъ произно-
силъ горячія рѣчи противъ невѣрующей интеллигенціи, тол-
стовцевъ, социалистовъ и всѣхъ вообще разрушителей нрав-
ственныхъ и политическихъ устоевъ. Когда васильезскіе
крестьяне явились на собственную землю, посредствомъ
явно мошеннической, хотя формально обставленной, сдѣлки
отнятую у нихъ богатымъ кулакомъ Широкозадovýmъ, о. Мат-
вѣй по просьбѣ становаго собралъ „бунтовщиковъ“ и гово-
рилъ имъ: „всяка душа властямъ предержажимъ да пови-
нуется! Братіе! Почто возстаете, яко сатана на Господа, про-
тиву благопопечительнаго начальства своего!“ Между этимъ
священникомъ и сыномъ благочиннаго, студентомъ, происхо-
дитъ такая сцена.

— Вы не соль... вы грязь земли, кричалъ студентъ. Какія
заслуги у васъ?! Чѣмъ можете гордиться вы? Тѣмъ унизи-
тельнымъ положеніемъ, которое занимаете въ теченіе вѣковъ,
состоя на службѣ сильнаго противъ слабаго и угнетеннаго,
забывъ долгъ и традиціи апостольскія, элементарную честь и
совѣсть!

— Да это что же такое!—взмахивалъ ручками и почти под-
прыгивалъ о. Матвѣй въ необузданномъ гнѣвѣ:—вѣдь это ко-
лебаніе самыхъ божественныхъ устоевъ жизни... Это свято-
татство!

— Митя! Прощу тебя!—взывалъ благочинный.

— Димитрій Викторовичъ! Вы же сами духовный!—сказалъ,
шевели бровями, о. Сильвестръ.

Студентъ гнѣвно и страстно обернулся къ нему.

— А вы думаете, мнѣ не больно говорить все это? Мнѣ
больно!.. Во мнѣ ваша кровь течеть... наслѣдственная, во мнѣ
говоритъ голосъ вашихъ же предковъ, вашихъ дальнихъ пред-
ковъ, которые выводили народы изъ земли рабства, царямъ
въ глаза говорили правду, темницъ не боялись! Но гдѣ, гдѣ
у васъ божественно-гордый духъ вашихъ предковъ?! Гдѣ ваша
соль?!

Голосъ его сталъ груднымъ, онъ точно задыхался.

— На ваши умъ и совѣсть надѣты цѣпи! И вы ихъ цѣ-
луете! Вы гнете ваши безсильныя колѣни предъ тюремщи-
ками!

— Димитрій Викторовичъ! позвольте...

— Вы—рабы!! И хотите сдѣлать другихъ рабами! Но

нельзя, говорю вамъ, угашать духъ до безконечности! Онъ проснется... Онъ уже проснулся, духъ протеста, свободный, гордый духъ побѣдоноснаго разума... И спадутъ съ него, звеня, ваши ржавыя цѣпи!!

Другой священникъ, о. Иванъ, рѣшившій снять съ себя духовный санъ, говоритъ:

— Накинули на жизнь цѣлую сѣть текстовъ, подложныхъ текстовъ, потомучто оправдываемъ произволь тѣхъ, кто уродуетъ жизнь,—проповѣдуемъ терпѣнїе тѣмъ, кто и безъ того достаточно терпѣлъ. Довольно! Всѣ вокругъ насъ ищутъ рая правды, рая справедливости, страстно борются за свой идеаль... А мы?! Довольно!!

Представленная здѣсь сцена вѣрно передаетъ взглядъ наиболѣе развитыхъ семинаристовъ на общественную роль нашего духовенства, созданную не только историческими условїями, но и ненормальностями воспитательнаго и учебнаго строя въ нашихъ семинаріяхъ.

Анахронизмомъ являются наши семинаріи и въ учебномъ отношенїи. Едвали не въ принципъ семинарскаго обученїя (разумѣемъ общеобразовательные предметы) возводится знакомство лишь съ тѣми идеями и теченїями умственной и нравственно-общественной жизни, которыя стали уже достоянїемъ исторїи и превратились въ мертвый матеріаль. Напротивъ, все свѣжее, новое, чѣмъ живетъ и волнуется современное общество и человѣчество, все это старательно замалчивается и скрывается. Умъ семинариста искусственно воспитывается въ обстановкѣ и идеяхъ начала 19, а иногда и 18 вѣка. Программа семинарскихъ наукъ задается повидимому цѣлью сдѣлать семинаристовъ людьми не образованными, а ученными, на самомъ дѣлѣ не дѣлая ихъ ни тѣми, ни другими. Для образованнаго человѣка все, ставшее достоянїемъ исторїи, имѣетъ значенїе постольку, поскольку объясняетъ настоящее, даетъ возможность съ полною сознательностью отнестись ко всѣмъ частнымъ элементамъ его. Лишь ученый человѣкъ задается цѣлью изучить со всею детальною отжившее, не имѣющее прямого отношенїя къ настоящему. Семинаристъ оказывается въ роли такого ученаго. Онъ удѣляетъ много вниманїя мертвому ученому балласту и почти никакого представленїя не получаетъ о современномъ. Литература, философія и исторїя не даютъ се-

минаристу никакого понятія о современныхъ умственныхъ и социальныхъ движеніяхъ. О преподаваніи литературы въ нашихъ семинаріяхъ одинъ педагогъ пишетъ слѣдующее (*Сынъ Отечества* 6 мая). „У насъ программа литературы заканчивается Гоголемъ. Пушкинъ и Лермонтовъ проходятся вскользь, между прочимъ; ни одно сочиненіе ихъ не разбирается, какъ слѣдуетъ. Тургенева, Гончарова, Достоевскаго, Толстого нѣтъ въ программѣ совсѣмъ, имъ не посвящаютъ ни одного урока. Лучшіе наши критики, Бѣлинскій, Писаревъ, Чернышевскій, Добролюбовъ являются для семинарій какимъ то пугаломъ. Что же говорить тутъ о европейскихъ классикахъ—Шекспирѣ, Гете, Данте, и др.? Характерно, что большинство семинарскихъ ученическихъ библиотекъ не имѣетъ полнаго комплекта сочиненій этихъ авторовъ, а внѣклассное чтеніе ихъ съ подробнымъ разборомъ, вводимое въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ молодыми преподавателями, навлекаетъ подозрѣнія и вызываетъ со стороны всякаго рода начальства упреки въ желаніи насадить въ юныя души какія то зловредныя идеи. О лучшихъ русскихъ журналахъ, о новѣйшихъ произведеніяхъ русской литературы нѣтъ и помину въ семинаріяхъ; чтеніе ихъ строго преслѣдуется, признается заразой, а люди, занимающіеся этимъ дѣломъ, нравственно развращенными“. Священникъ М. Протопоповъ въ упомянутомъ выше открытомъ письмѣ пишетъ между прочимъ: „Многое, что въ настоящее время волнуетъ печать и общество, всѣ новѣйшія системы философскаго и научно-естественнаго знанія для насъ terra incognita, по крайней мѣрѣ для громаднаго большинства изъ насъ. Изученіе исторіи философскихъ ученій кончается у насъ въ семинаріяхъ Конттомъ, литература Гоголемъ. Толстой, на котораго обыкновенно переходятъ всѣ разговоры въ обществѣ, для насъ запретное имя. Мы не знаемъ, намъ не сообщаютъ основныхъ принциповъ его ученія, а если приходится говорить, то ограничиваются нѣсколькими пренебрежительными фразами,—жизнь же особенно настойчиво требуетъ отъ насъ этого знанія и умѣнья отстаивать свое „credo“. Благо тому, кто имѣетъ возможность пополнить всѣ эти пробѣлы самостоятельно, по выходѣ изъ семинаріи, такъ какъ въ семинаріи этимъ заниматься запрещено... Товарища моего за чтеніе Бѣлинскаго исключили изъ семинаріи; дру-

гого за чтеніе романа Станюковича „Два брата“ гноили цѣлую недѣлю въ карцерѣ; первое отдѣленіе 2-го класса чуть не подвергли децимаціи (исключенію одного изъ десяти) за то, что въ складчину выписали газету (Московскія Вѣдомости) и т. д. Все это происходило менѣе десяти лѣтъ тому назадъ. „Такъ называемыхъ запрещенныхъ книгъ, пишетъ ректоръ семинаріи (*Лет. Вѣд.* 14 марта), по существу самой школы не должно бы быть. А теперь официально есть запрещенныя книги. По странной традиціи, до начала которой трудно добраться, запрещенными числятся всѣ наши беллетристы—классики, не говоря уже о позднѣйшихъ художественныхъ писателяхъ. Въ одной семинаріи они были запрещены на основаніи такого замѣчанія въ отчетѣ ревизора: „въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ въ ученической библіотекѣ есть такія книги, какъ напр. „Записки изъ мертваго дома“. На этомъ основаніи только и былъ изъятъ весь Достоевскій, а съ нимъ и остальные классики. Такимъ образомъ, мы изучаемъ Шекспира и пр., Фаррара и т. п. насадителей западной ереси (?) или культуры, а своихъ Достоевскаго, Тургенева и проч. насадителей и изобразителей православныхъ и народныхъ устоевъ жизни преслѣдуемъ“. Нечего говорить, разумѣется, о новой періодической печати: свѣтскіе журналы и газеты въ ученическія библіотеки совсѣмъ не допускаются. Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ были попытки со стороны воспитанниковъ выпросить у начальства разрѣшеніе на нѣкоторыя періодическія изданія и на устройство бесѣдъ по злободневнымъ вопросамъ. Но просьбы ихъ оставлены безъ послѣдствій. Объ этихъ фактахъ сообщаетъ „педагогъ“ въ *Сынъ Отечества* (26 апр.). Одинъ фактъ имѣлъ мѣсто въ Рязанской семинаріи. Ученики старшихъ классовъ, волнуемые совершающимися въ настоящее время важными событіями—войною и ожидаемыми реформами,—просили своихъ начальниковъ и учителей періодически устраивать въ семинаріи собранія, на которыхъ, подъ ихъ руководствомъ, разрѣшались бы злободневные вопросы. Просьба эта вызывалась сознательною учениками потребностью разобратся въ массѣ мнѣній и толковъ, которые, не смотря на всѣ запреты, доходятъ до семинаристовъ, и чувствовать надъ собою почву. Въ просьбѣ было отказано. Въ другой семинаріи среди учениковъ зародилась мысль—

имѣть свою маленькую читальню, гдѣ можно было бы просматривать нѣкоторыя, по выбору семинарскаго начальства, современные газеты и журналы. Почти вся корпорація семинарскихъ учителей отнеслась сочувственно къ затѣѣ учениковъ; но нашлись „человѣки въ футлярѣ“, которые представили мѣстному архіерею „особое мнѣніе“ со ссылками на архаическіе циркуляры, запрещающіе ученикамъ чтеніе періодическихъ изданій,—и архіерей не разрѣшили устройства читальни.

Такая постановка учебнаго дѣла въ семинаріяхъ наноситъ громадный вредъ и образовательнымъ, и воспитательнымъ цѣлямъ духовной школы. Прежде всего она вредно отзывается на самодѣятельности ученика. Надо имѣть необыкновенную любознательность, чтобы съ интересомъ изучать мертвыя историческія матеріалы внѣ всякой связи съ современною жизнью и современными идеями. Для обыкновеннаго же воспитанника онъ лишень интереса и изучается большею частью изъ подъ палки. Такое изученіе не столько развиваетъ, сколько убиваетъ живую мысль. Тотъ же самый матеріалъ, освѣщаемый идеями современной жизни, сразу ожилъ бы въ глазахъ ученика и пробудилъ бы въ немъ самостоятельную работу мысли. Съ другой стороны скрыть отъ глазъ воспитанника все настоящее, современное, не подъ силу семинарскимъ воспитателямъ даже при всѣхъ строгостяхъ семинарскаго режима. Имъ по неволѣ приходится смотрѣть сквозь пальцы на чтеніе запрещенныхъ изданій. Однако такое чтеніе въ тихомолку, деморализуя нравы воспитанниковъ, вмѣсто пользы легко можетъ принести вредъ, благодаря отсутствію всякаго руководства. Въ конечномъ результатѣ получается то, что воспитанникъ, кончившій курсъ семинаріи, изучившій множество разныхъ наукъ, пріобрѣтшій не малую эрудицію по вопросамъ иногда ученаго характера, въ тоже время не знаетъ многихъ существенныхъ и элементарныхъ вещей, извѣстныхъ мало-мальски образованному человѣку. Можно себѣ представить, какъ великъ долженъ быть вредъ отъ такой постановки дѣла обученія для будущаго пастыря. Какъ духовный руководитель общества, онъ долженъ стоять въ курсѣ умственной жизни этого общества, знать, какими интересами и идеями живетъ оно въ данное время. „Намъ, пастырямъ,—говоритъ Преосв.

Ириной,—призваннымъ направлять стадо Христово ко благу, необходимо вникнуть во все, что волнуетъ общество въ данный моментъ... Нельзя безъ этого, если хочешь служить съ пользою церкви и народу“. Но въ дѣйствительности познанія нашего пастыря окончиваются началомъ 19 вѣка; современной жизни и общества онъ не знаетъ и не понимаетъ. Вполнѣ понятно, что все содержимое его оказывается мало пригоднымъ къ жизни. Онъ похожъ на человѣка, чудеснымъ образомъ проснушагося чрезъ столѣтіе. Онъ перестаетъ понимать людей, и его понимаютъ мало. Его слово безжизненно, такъ какъ взято по ошибкѣ изъ другого вѣка. Если рѣчь его направлена на современные темы, то поражаешься его способностью говорить о томъ, чего онъ не знаетъ, извращать чужія мысли и факты и предлагать уроки и назиданія, которые никого не трогаютъ, никого не убѣждаютъ. Все это происходитъ оттого, что онъ оторванъ былъ въ духовной школѣ отъ современной жизни и видѣлъ ее лишь сквозь грязное семинарское окно. Не безъ основанія одинъ ректоръ семинаріи въ недоступности новѣйшей и новой литературы для семинаристовъ видитъ одну изъ причинъ того, что „наши молодые батюшки по духу, по своимъ привычкамъ, по языку весьма далеки отъ своей паствы и вообще отъ народа. Любой начетчикъ изъ старообрядцевъ или сектантовъ гораздо доступнѣе, понятнѣе и болѣе воздѣйствуетъ на народъ, чѣмъ наши священники, вышедшіе изъ теперешней духовной школы“ (Пет. Вѣд. 14 марта).

Всѣ указаннныя недостатки воспитанія и обученія въ духовныхъ семинаріяхъ, именно полицейскій характеръ воспитанія, мелочность дисциплинарныхъ требованій, излишнее стѣсненіе свободы, насильственное привлеченіе къ дѣлу, требующему спеціальнаго призванія, противоестественное воспитаніе ума въ обстановкѣ прошлаго и отрываніе его отъ современной жизни,—все это и составляетъ истинную причину того общаго недовольства, выраженіемъ котораго служатъ семинарскія волненія. И надо сознаться, какъ ни печальны и ни вредны эти волненія семинаристовъ, прежде всего для нихъ самихъ, тѣмъ не менѣе они вскрываютъ глубокія язвы въ нашихъ семинаріяхъ, предупреждаютъ о вредѣ ихъ для пастырскаго дѣла и подсказываютъ, кому

слѣдуетъ, средства оздоровленія семинарій. Въ чемъ должны состоять эти средства, понять не трудно.

1). Прежде всего необходимо дать семинаріямъ такой строй, при которомъ пастырство и приготовленіе къ нему было бы для всѣхъ дѣломъ свободнаго и сознательнаго выбора. Это возможно лишь въ томъ случаѣ, если наши духовныя училища и семинаріи, подобно гимназіямъ, будутъ носить общеобразовательный характеръ, дающій возможность воспитанникамъ, прошедшимъ курсъ ихъ, свободно избирать себѣ жизненный путь, сообразуясь лишь съ своими дарованіями и склонностями. Чтобы возможность эта не была фиктивной, необходимо предоставить воспитанникамъ, кончившимъ семинарскій курсъ (общеобразовательныхъ наукъ), право поступленія въ университетъ на равныхъ условіяхъ съ воспитанниками гимназій.

Подготовкѣ же къ пастырству, т. е. изученію богословскихъ наукъ, должны быть посвящены спеціальныя богословскіе курсы или классы, въ которые могли бы поступать какъ воспитанники, прошедшіе общеобразовательный курсъ семинаріи, такъ и воспитанники другихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Существующій теперь порядокъ приготовленія къ пастырскому служенію, кромѣ того, что заключаетъ въ себѣ нѣкоторое насиліе надъ юношескою совѣстью, не выдерживаетъ критики и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Онъ несправедливъ, такъ какъ ставитъ препятствія дѣтямъ мірянъ, желающимъ посвятить себя на пастырское служеніе. Онъ антиканониченъ, такъ какъ по канонамъ православной церкви пастырство ни въ какомъ случаѣ не должно быть сословнымъ. Наконецъ, онъ вреденъ, такъ какъ, затрудняя доступъ въ духовное званіе дѣтямъ мірянъ и содѣйствуя выдѣленію духовенства въ касту, онъ разрываетъ связь между пастыремъ и паствою и тѣмъ парализуетъ нравственное вліяніе пастырей. Справедливость указанныхъ измѣненій въ порядкѣ приготовленія пастырей до такой степени очевидна, что никто не рѣшается оспаривать ихъ по существу. Противъ нихъ приводятся лишь практическія неудобства ихъ осуществленія. Говорятъ, что современный ненормальный порядокъ возникаетъ изъ необходимости облегчить дѣтямъ духовенства полученіе образованія, каковое безъ помощи церковныхъ суммъ ему не по средствамъ при настоя-

щихъ условіяхъ его обезпеченія. Но разъ справедливо, что наше духовенство, содержась на поборы, въ большей своей части ничего или слишкомъ мало получая отъ государства, не смотря на то, что исправляетъ кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей и обязанности общественныхъ и государственныхъ чиновниковъ, не въ состояніи давать своимъ дѣтямъ соотвѣтствующаго ихъ положенію образованія, то въ ожиданіи урегулированія вопроса о матеріальномъ обезпеченіи духовенства едва ли будетъ несправедливостью оказывать имъ нѣкоторую помощь изъ церковныхъ суммъ.

Нельзя согласиться съ тѣми, которые отрицаютъ всякое право духовныхъ лицъ на церковныя суммы, считая послѣднія *исключительно* собственностью бѣдныхъ и храма. Исторія церкви противъ нихъ. Спаситель и апостолы имѣли кружку для добровольныхъ подаяній, изъ которыхъ пользовались сами и помогали бѣднымъ (Іоан. XIII, 29). Подражая имъ, первенствующие христіане также имѣли общую кружку для добровольныхъ жертвованій („сборъ для святыхъ“), шедшихъ частію на содержаніе апостоловъ (2 Кор. XI, 8), частію въ пособіе всѣмъ нуждающимся вѣрующимъ (1 Кор. XVI, 3 и др.). И вся древняя церковь въ словахъ ап. Павла: „развѣ вы не знаете, что священнодѣйствующие питаются отъ святилища? что служащіе берутъ долю отъ жертвенника? Такъ и Господь повелѣлъ проповѣдающимъ евангеліе жить отъ благовѣствованія“ (1 Кор. IX, 13—14), видѣла признаніе права клириковъ на пользование церковными суммами на ряду съ бѣдными, считая ихъ за такихъ же бѣдныхъ. Правила Апостольскія (4 и 41) предоставляютъ право епископу и клирикамъ брать необходимое изъ церковной сокровищницы. „Законъ Божій, говорятъ они, постановилъ, чтобы служащіе алтарю отъ алтаря питались, подобно тому, какъ и воинъ не подѣмлетъ оружія на своемъ пропитаніи“. Постановленія апостольскія (II, 25) предписываютъ епископу: „приношенія добровольныя на убогихъ пусть епископъ правильно раздѣляетъ сиротамъ, вдовамъ, страждущимъ. Раздѣляя всѣмъ нуждающимся по справедливости, и сами (епископы) пользуйтесь отъ благъ Господнихъ, но не злоупотребляя ими, ядя отъ нихъ, но не поядая всего одни“. Извѣстный канонистъ Зонара, толкуя одно изъ правилъ Апостольскихъ (59), которымъ требуется,

чтобы высшіе клирики при раздѣлѣ доходовъ не обдѣляли низшихъ клириковъ, замѣчаетъ: „писаніе называетъ церковное имущество имуществомъ бѣдныхъ. И должно раздавать его бѣднымъ. Если же предстоятели церкви должны удовлетворять другихъ нуждающихся, то сколь болѣе должны удовлетворять подчиненныхъ имъ клириковъ, находящихся въ бѣдности“. Съ 4 вѣка духовенство стало злоупотреблять своимъ правомъ на церковную казну, увеличивая свою долю на счетъ доли бѣдныхъ. При Юстиніанѣ церковныя деньги шли первѣе всего на содержаніе клириковъ, потомъ на церковныя нужды и только остатки изъ этихъ денегъ поступаютъ въ пользу бѣдныхъ. Позднѣе изъ церковныхъ доходовъ совсѣмъ не стали удѣлять на бѣдныхъ ¹⁾. Ненормальность въ расходованіи церковныхъ суммъ и у насъ въ Россіи заключается не въ томъ, что часть ихъ идетъ въ пособіе духовенству въ видѣ содержанія духовно-учебныхъ заведеній, а въ томъ, что обязательные налоги на церкви слишкомъ велики и производятся безъ всякаго участія и контроля мірянъ.

2. Чтобы придать воспитанію нравственный, а не дисциплинарный только характеръ, необходимо поставить въ болѣе близкія, въ болѣе семейныя и интимныя отношенія воспитателей и воспитанниковъ. Но это возможно лишь при значительномъ количествѣ воспитателей. Одинъ инспекторъ съ двумя-четырьмя помощниками не можетъ войти въ душу нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Необходимо поэтому призвать къ дѣлу воспитанія и преподавателей ²⁾, но не такъ какъ дѣлалось это до сихъ поръ, предоставляя имъ роль сыщика и доносчика, а снабдивъ ихъ извѣстными полномочіями и подчинивъ ихъ отвѣтственности не передъ инспекціей и архіереемъ, а передъ педагогическимъ совѣтомъ или правленіемъ. Отвѣтственность же преподавателя передъ однимъ лицомъ, ректоромъ или епархіальною властью, сдѣлаетъ предоставленныя ему полномочія фактивными и заставитъ его относиться къ своимъ воспитательнымъ обязанностямъ

¹⁾ См. подробнѣе объ этомъ въ кн. А. П. Лебедева: „Духовенство древней вселенской церкви“. 1905 г.

²⁾ См. объ этомъ обстоятельную статью въ апрѣльской кн. Бог. Вѣст. за текущій годъ.

чисто формальнымъ образомъ. Но разъ руководство воспитательнымъ (а тѣмъ болѣе учебнымъ) дѣломъ будетъ принадлежать цѣлой семинарской корпораціи, то въ цѣляхъ единства ея дѣятельности необходимо ей самой дать право избирать изъ своей среды ректора и инспектора семинаріи, какъ это было по уставу 1867 года (§ 24 и 38). Лишь избранный всею корпораціею инспекторъ и ректоръ можетъ имѣть среди преподавателей и учениковъ нравственный авторитетъ, столь необходимый въ учебныхъ и воспитательныхъ заведеніяхъ. вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа воспитателей въ семинаріяхъ необходимо ослабить строгость семинарской дисциплины, поскольку она излишне стѣсняетъ свободу ученика и удаляетъ его отъ жизни. Необходимо дать ему больше простора для развитія личныхъ вкусовъ, наклонностей, самостоятельности, и больше возможности поддерживать живую связь съ обществомъ.

Излишняя строгость и даже нѣкоторая придирчивость установившейся въ семинаріяхъ дисциплины сознается нерѣдко и самимъ начальствомъ семинарскимъ, которое въ такомъ случаѣ начинаетъ смотрѣть сквозь пальцы на нѣкоторыя нарушенія дѣйствующихъ правилъ, не имѣющихъ большой важности. Семинаристы обыкновенно бываютъ довольны такимъ начальствомъ и, хвастаясь передъ воспитанниками другихъ семинарій, говорятъ, что они живутъ не подъ закономъ, а подъ благодатію. Но не о такомъ смягченіи семинарскаго режима мы говоримъ. Указанный порядокъ вещей нельзя считать нормальнымъ. Если при строгости режима дается воспитаніе ненормальное, то въ такомъ случаѣ оно часто совсѣмъ отсутствуетъ. Какъ повидимому ни резонно и ни рачительно по существу снисходительное отношеніе къ нарушеніямъ требованій, не имѣющихъ моральнаго характера, однако такой педагогическій пріемъ очень вреденъ по своимъ послѣдствіямъ. Допускаемая съ молчаливаго согласія начальства отступленія отъ устава ослабляютъ нравственный авторитетъ его, уменьшаютъ въ воспитанникѣ уваженіе ко всѣмъ вообще дисциплинарнымъ требованіямъ и порождаютъ въ немъ сомнѣніе въ ихъ обязательности. Начавъ съ незначительныхъ нарушеній дисциплины, воспитанники незамѣтно переходятъ къ болѣе важнымъ и выражаютъ свое неудовольствіе, когда встрѣчаютъ

неуступчивость со стороны начальства. Педагогія требует неуклоннаго исполненія правилъ, разъ они существуютъ. А чтобы не ставить ее въ безвыходное положеніе самоотрицанія, необходимо придать дисциплинарнымъ требованіямъ ясный и безспорный нравственный смыслъ. Только въ такомъ случаѣ воспитатель, требуя отъ воспитанника обязательнаго исполненія ихъ, будетъ имѣть подъ собою твердую нравственную почву, будетъ располагать самымъ сильнымъ педагогическимъ средствомъ—словомъ убѣжденія. Только тогда ученикъ въ глубинѣ своей совѣсти признаетъ справедливость требованій и подчинится имъ сознательно и убѣжденно. Напротивъ изъ дисциплинарныхъ правилъ должны быть по возможности исключены всѣ тѣ, подъ которыя трудно и даже невозможно подставать какіе либо нравственные мотивы, и въ пользу которыхъ трудно, а часто и невозможно, убѣдить воспитанника (въ родѣ напр. запрещенія послѣобѣденныхъ прогулокъ, литературныхъ вечеровъ и т. д.). Въ этой области дисциплина должна дать воспитаннику больше простора для его самостоятельности, предоставивъ начальству лишь общее нравственное руководство надъ его внутреннею жизнью и не связывая его опредѣленными указаніями дѣлать то—то и не дѣлать того—то.

3. Учебныя семинарскія программы должны задаваться цѣлью давать обществу людей не ученыхъ, а образованныхъ, съ вполне сознательнымъ отношеніемъ къ современной жизни. Всѣ историческія науки должны знакомить ученика не съ древними лишь стадіями человѣческой культуры, но и съ позднѣйшими и даже современными; и чѣмъ ближе къ настоящему времени стоитъ извѣстный фактъ, тѣмъ съ большею подробностью онъ долженъ быть изслѣдуемъ, и притомъ не столько съ внѣшней, сколько съ внутренней стороны. Безусловно необходимо дать возможность ученикамъ помимо классныхъ уроковъ и въ домашнихъ занятіяхъ подъ руководствомъ своихъ преподавателей знакомиться съ современнымъ теченіемъ умственной и соціальной жизни, пользуясь для этой цѣли не только научными трудами, но и періодическою печатью. Такъ какъ прохожденіе общеобразовательнаго курса семинаріи должно давать воспитаннику право на безпрепятственное поступленіе въ университетъ, то само собой разумѣется, программа

свѣтскихъ предметовъ должна удовлетворять требованіямъ для поступленія въ университетъ, т. е. быть не ниже гимназической.

Мы намѣтили лишь въ самыхъ общихъ чертахъ желательныя измѣненія въ строѣ нашихъ духовныхъ семинарій. Нужда въ такихъ именно измѣненіяхъ признана едва ли не всѣми педагогами, высказывавшимися въ печати, и самими семинаристами въ ихъ многочисленныхъ петиціяхъ и письмахъ въ редакціи. Насколько велико фактическое разбѣденіе педагоговъ и воспитанниковъ семинарій, настолько велико ихъ идейное согласіе. Лишь высшая администрація, въ рукахъ которой держится судьба семинарій, до сихъ поръ не высказала никакихъ своихъ взглядовъ на современное положеніе духовныхъ школъ и не предприняла никакихъ мѣръ къ улучшенію его. Еще три года тому назадъ, когда семинарскія волненія приняли угрожающій характеръ на взглядъ даже Петербурга, въ *Церковныхъ Вѣдомостяхъ* было объявлено: „съ 15-го и по 27-е августа въ Петербургѣ состоится рядъ засѣданій комиссіи по пересмотру устава семинарій и программы предметовъ, преподаваемыхъ въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ составъ комиссіи войдутъ члены учебнаго комитета при Св. Синодѣ, профессора петербургской академіи и нѣсколько челоувѣкъ, когда то бывшихъ преподавателей духовныхъ семинарій“ ¹⁾. Кажется, слѣдуетъ признать трехлѣтній срокъ довольно почтеннымъ даже и для канцелярской работы. Однако до сихъ поръ все остается на своемъ мѣстѣ по прежнему. Какъ пишетъ одинъ инспекторъ семинаріи (*Церковный Вѣстникъ* № 18), самую крупную реформую въ духовно-учебныхъ за-

¹⁾ „Тавричанинъ“ въ *Сынѣ Отечества* по поводу этого объявленія говорить: „засѣданія комиссіи ведутся въ глубочайшемъ секретѣ, вынесенныя на нихъ постановленія не появляются не только въ общей печати, но даже на страницахъ официальныхъ духовныхъ органовъ. Ни одному учебному духовному заведенію не было разослано ровни никакихъ предварительныхъ запросовъ, ни одному педагогическому совѣту при духовныхъ семинаріяхъ не было предложено высказаться по данному вопросу. Учителямъ семинарій, желавшимъ высказать печатно свои мысли, было предложено воздержаться отъ этого соблазна и до поры до времени помолчать. Справляться о мнѣніи и желаніи отцовъ питомцевъ духовныхъ учебныхъ заведеній считается уже прямо лишнимъ, а голосъ самихъ питомцевъ называется „грызеніемъ утробы матеріи своей“.

веденіяхъ за послѣднія 20 лѣтъ слѣдуетъ признать перемѣну костюма педагоговъ.

Мы не думаемъ однако, что бездѣйствіе администраціи объясняются незнаніемъ истиннаго положенія вещей, невѣдѣніемъ всей серьезности выдвинутаго жизнью вопроса. Ей конечно извѣстны всѣ подробности семинарскихъ волненій. Должно быть извѣстно ей и то, что эти волненія производятъ крайне деморализующее дѣйствіе на весь строй семинарской жизни, что ученики почти не занимаются и не въ состояніи заниматься дѣломъ, что преподаватели, при всемъ своемъ желаніи внести успокоеніе въ настроеніе учениковъ, чувствуютъ свое безсиліе и опускаютъ руки. Зная все это, высшая администрація не можетъ не сознавать необходимости въ реформѣ духовныхъ учебныхъ заведеній. Скорѣе наоборотъ, чрезвычайная серьезность положенія вещей и обусловленная ею капитальность предстоящей реформы вызываетъ въ центральномъ учебномъ управленіи сознаніе непосильной тяжести требуемой работы. И едва-ли что можно возразить противъ этого.

Если основные принципы семинарской реформы уже теперь достаточно выяснились, то практическое проведеніе ихъ въ жизни и детальная разработка въ новомъ уставѣ требуетъ огромнаго запаса педагогической опытности, продолжительнаго личнаго знакомства со всѣми условіями семинарской жизни. Безъ этого всякое нововведеніе будетъ отличаться теоретичностью, малою примѣнимостью къ жизни, и при всей своей цѣлесообразности по идеѣ можетъ оказаться безплоднымъ благодаря какому нибудь частному, совершенно практическому упущенію. *Церковный Вѣстникъ* (№ 18) справедливо сомнѣвается, чтобы необходимою въ данномъ случаѣ опытностью владѣло наше центральное духовно-учебное управленіе. Такая опытность присуща лишь семинарскимъ и училищнымъ корпораціямъ. Вотъ почему заслуживаетъ полнаго вниманія заявленіе корпораціи тверской семинаріи о желательности съѣзда свободно избранныхъ преподавателей семинарій и духовныхъ училищъ для обсужденія вопросовъ о преобразованіяхъ учебно-воспитательнаго строя въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Правда, лично мы не думаемъ, чтобы коренная учебная реформа была осуществлена равнѣ церковныхъ преобразованій, во многихъ сторонахъ

тѣсно связанныхъ съ реформой учебной. Однако и въ такомъ случаѣ сужденія съѣзда могли бы имѣть громадное значеніе въ качествѣ подготовительной и вполне компетентной работы. Въ ожиданіи же, пока высшее начальство найдетъ нужнымъ созвать такой съѣздъ, было бы весьма желательно, чтобы корпораціи духовныхъ семинарій и училищъ попытались выяснитъ нужды духовно-учебныхъ заведеній на частныхъ, домашнихъ совѣщаніяхъ и высказали свои соображенія по этому предмету на страницахъ академическихъ журналовъ. Конечно такой обмѣнъ мнѣній не можетъ быть настолько плодотворнымъ, какимъ онъ могъ бы быть на общемъ съѣздѣ, но при отсутствіи послѣдняго и онъ былъ бы очень полезенъ, тѣмъ болѣе, что частныя совѣщанія не потребовали бы никакихъ предварительныхъ хлопотъ.

18 Юля.

В. Мышцынъ.
